



УРАЛЬСКИЙ МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК: ПРОЯСНЕНИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЙ ПРОЕКТА

Данным изданием Уральский межрегиональный институт общественных наук начинает серию выпусков «Вестника УрМИОН» под общим названием «Толерантность». Это несколько необычное начинание. В самом деле, жанр вестника подразумевает печатное отражение событийного ряда работы той или иной организации, публикацию отчетов и информационных писем, т. е. обычно вестники служат скорее чем-то вроде справочных пособий. В нашем «Вестнике» будет все это: и объявления о конференциях, школах или грантовых конкурсах, и отчеты о мероприятиях, уже проведенных институтом. И все же нам хотелось бы сделать наше издание *читаемым*, а потому одновременно — и научным, и публицистическим, и информативным.

Представляется, что именно этого требует и тема Уральского МИОН, столь актуальная сегодня, — «Проблема толерантности в современной цивилизации», и новизна самой программы создания межрегиональных институтов общественных наук в России. В этой вводной статье мне хотелось бы сказать и о том и о другом — рассказать о программе и очертить ту проблему, которой УрМИОН достаточно активно занимается вот уже на протяжении года. Конечно, здесь нельзя искать не только ответов, но и сколько-нибудь серьезной постановки задач — слишком велика проблема и слишком обширен проект для того, чтобы быть адекватно описанным в небольшой статье. И все же — лиха беда начало! — я попытаюсь очертить здесь некоторые *концептуальные основания* проектов УрМИОН в целом и «Вестника» в частности.

Итак, говоря о программе, которая действительно представляет собой небывалое в гуманитарных науках начинание, необходимо отметить тот факт, что всего за год ее существования она уже стала очень заметным явлением в развитии российс-

ких общественных наук. В рамках программы была создана целая сеть межрегиональных институтов общественных наук, три из которых (в Воронеже, Екатеринбурге и Томске) активно работали на протяжении всего 2001 г., а пять (в Великом Новгороде, Калининграде, Иркутске, Владивостоке и Саратове) — были организованы совсем недавно, но уже приступают к своим исследованиям. Координирует работу по программе Московский общественный научный фонд совместно с Министерством образования России и Институтом перспективных российских исследований им. Кеннана (США) за счет средств, предоставленных Корпорацией Карнеги (Нью-Йорк, США) и Фондом Джона Д. и Кэтрин Т. Мак-Артуров (США). Каждый институт имеет собственную тему, вокруг которой объединяют свои усилия ученые самых различных гуманитарных дисциплин: философы, политологи, международники, историки, филологи, журналисты, психологи, юристы, логики и т.д. Таким образом, проекты институтов территориально-географически можно считать межрегиональными, а по содержанию — мультидисциплинарными.

Конечно, это сложно. Опыт организации разного рода междисциплинарных конференций и семинаров показывает, что представители различных дисциплин чаще всего говорят каждый о своем — и каждый со своей собственной точки зрения. Точки соприкосновения подходов и методов обретаются с великим трудом и притом настолько тяжело, что подчас результат не оправдывает тех усилий, которые тратятся на его достижение. И все же междисциплинарность — содержательный аналог территориальной межрегиональности — просто необходима при рассмотрении некоторых тем. Чаще всего подобные проблемы касаются фундаментальных вопросов, связанных с отношениями между людьми. Многомерность и сложность бытия человека в мире не может быть вполне рассмотрена в рамках той или иной частной дисциплины — но только совокупностью этих дисциплин в их существенной связи друг с другом. Структурно одинаковые отношения вполне могут существовать на разных уровнях и в различных сферах жизни человека: на уровне мышления выражаться законами логики и психологии, а на уровне общественного существования человека — категориями социологии, политологии или теории права.

Проблема, которой занимается Уральский МИОН, вполне может быть отнесена к такого рода фундаментальным вопро-

сам, поскольку тема толерантности и нетерпимости, выражающаяся в общем виде как вопрос об отношении к другому, инаковому и чуждому, в своей социальной конкретности становится проблемой права, социологии, филологии, политологии и пр. Эту проблему не просто *можно* изучать междисциплинарно — *ее следует* рассматривать с точки зрения различных общественных и гуманитарных дисциплин, иначе что-то очень существенное неизбежно будет потеряно.

Вопрос о толерантности в самом общем, так сказать, глобально-историческом плане в настоящее время стал особенно острым, обнажив всю сложность ситуации демократического плюрализма, породившего мультикультурность современной цивилизации. Не вдаваясь в тонкости определения последнего (весьма, кстати сказать, дискуссионный вопрос в современной социальной теории), можно отметить, что наличие в любом обществе групп, принадлежащих самым различным культурам, делает вопрос о их взаимной толерантности особенно актуальным. Более того, речь о толерантности начинает идти лишь тогда, когда эта самая мультикультурность становится причиной глубоких конфликтов, а потому в проблеме толерантности мультикультурализм схватывается в точке наивысшей напряженности своего бытия. В самом деле, «мультикультурализм становится проблемой, когда конфликты между группами по поводу ценностей либо их интерпретаций не могут спокойно существовать в рамках той или иной социальной структуры»¹. Иначе говоря, вопрос о толерантности обнажает перед нами проблематичность мультикультурализма. Примеров тому множество — от борьбы ирландцев в Великобритании до трагических событий 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне.

Мультикультурализм, конечно, не является каким-то «открытием» современности. Смешение культур, языков, народов и образов жизни всегда отличало метрополии в рамках крупных империй. Эллинистическая Александрия, вмещавшая в себя египтян, греков и иудеев, дает нам неплохие примеры как мультикультурализма, так и толерантности. И все же между эллинистической эпохой и современным мультикультурализмом имеется огромное различие. Во-первых, в степени и широте распространения. Глобализация сделала смешение культур нормой, а моно-

¹ Horton J. Liberalism, multiculturalism and toleration // Liberalism, multiculturalism and toleration / Ed. by J. Horton. Macmillan, 1993. P. 3.

культурность — исключением. Повсеместность мультикультурности заставляет даже говорить о некотором «внутреннем мультикультурализме» — особом состоянии самого человека, привыкшего жить в смешении народов и языков. И, как кажется, здесь имеется богатое поле деятельности для целого направления в психологии. Во-вторых, и главное — в том, как общество трактует групповые и индивидуальные права. М. Уолцер хорошо показал, что в империях (режим которых, кстати сказать, по его мнению, «можно назвать толерантным, независимо от того, терпимо или нет относятся друг к другу члены входящих в него образований»²) правами наделяются именно группы, обладающие той или иной степенью автономии, а вовсе не индивиды. В либеральных демократиях, напротив, правами обладает индивид. Легко увидеть, что подобное утверждение приоритета индивидуальных прав над групповыми превращает мультикультурализм в существенную проблему. В самом деле, индивидуальные права зачастую приходят в противоречие с культурными традициями группы. К примеру, утверждение равноправия женщины вряд ли совместимо с традициями ислама, а право на аборт рассматривается христианами как легализация детоубийства. Здесь становится понятно, почему в некоторых странах сегодня сама идея прав человека отвергается «как универсалистская, неплюралистическая и чуждая им, как якобы не соответствующая многосторонности существующих в мире жизненных укладов и культур»³.

В таком случае выходит, что центральной проблемой современной цивилизации является противоречие между универсализмом, с одной стороны, и множественностью самобытных культур — с другой. Это противоречие проявляется не только статически — в оппозициях типа «универсальные ценности — самобытные культуры», но и, что еще более важно, динамически — в противоборстве двух *тенденций* в рамках мультикультурализма. А именно глобализационным стремлениям, ориентированным на унификацию и единство, противостоит стремление национальных культур к сохранению своей идентичности. Именно этим, с нашей точки зрения, и объясняется особая актуальность и значимость проблемы толерантности в рамках современной цивилизации. В самом деле, толе-

² Уолцер М. О терпимости. М., 2000. С. 29.

³ Козловски П. Культура постмодерна. М., 1997. С. 203.

рантность может стать неким нормативным *медиатором*, посредником между национальной культурой, с одной стороны, и глобальной цивилизацией — с другой. Иначе говоря, в мультикультурном мире толерантность как ценность выполняет функцию *символизации универсальных ценностей*, адаптируя их к ценностям национальных культур. А это означает, что толерантность более не является просто одной из ценностей, ее роль в современности вырастает до значения *правила обращения с универсальными ценностями* вообще. И если толерантность в общем виде можно определить как позволение другому существовать, она с необходимостью требует «мягкого», ненасильственного отношения к ценностям самобытных культур. А это возможно лишь в том случае, если универсальные ценности будут «символизироваться» в культуре, т. е. укореняться в культурно значимых символах, мифах, философских или религиозных теориях и воззрениях. Толерантность требует хитрости от глобализации: универсальное не насаждается, но как бы «врастает» в культуру. Вполне естественными здесь, однако, будут и сомнения в принципиальной возможности осуществления такой «символизации». А именно, во-первых, не разрушит ли подобная адаптация универсальной ценности ее внутренней целостности; и, во-вторых, всякая ли культура способна адаптировать универсальное, безопасно включив его в свою внутреннюю структуру?

Дело вполне может обстоять и так, что на эти вопросы придется дать негативный ответ. Но утопичность идеала вовсе не означает того, что к нему не стоит стремиться. В конце концов, утопичны все идеалы, а в некотором смысле утопией является и само существование человека в мире. Кроме того, как представляется, имеются и некоторые основания для оптимизма. Во-первых, универсальные ценности не являются чем-то таким, что способно действовать само по себе. Идея вообще не обладает иной силой, помимо нормативной. Для того чтобы стать силой, она в любом случае должна быть укоренена, «символизирована», вплетена в ткань культуры. Поэтому даже если адаптация универсальной ценности к культурной среде и изменяет ее, без такого изменения она и ценностью-то в собственном смысле не станет, будучи простой декларацией благих намерений правительств.

Кажется, что иной путь вряд ли имеется. Конечно, это путь сложный, подразумевающий длительное взаимное изменение,

своеобразную притирку ценности и культуры, но в конечном итоге результатом такого взаимного изменения может стать некоторый компромисс между культурой и ценностью, некоторое особенное культурное бытование этой самой ценности. В любом случае, рациональный путь нахождения одного-единственного «истинного» определения ценности, «верной» ее интерпретации, путь, не замечающий культурно-исторического обстоятельства, заранее обречен на неудачу. Культурно-историческое не есть нечто привходящее при рассмотрении ценности, поскольку именно им определяется ее деятельное или пассивное существование.

Однако проблема состоит в том, что толерантность — это не только правило обращения с ценностями, она сама является универсальной ценностью. Отсюда следует возможность двух основных подходов к развитию толерантности в обществе. Первый, интолерантный по своей сути, будет пытаться найти «истинную», «верную» толерантность вне всякого отношения к культурной среде. При таком подходе толерантность насаждается почти насильственно. Определения здесь будут заведомо абстрактны и жестки, а культурная среда станет рассматриваться как что-то пластичное, что-то такое, что может быть изменено, приспособлено под универсализм толерантности. В общем виде такую толерантность следовало бы назвать «интолерантной». Примером здесь, как нам кажется, вполне может служить Юм, полагавший, что всякая метафизика с толерантностью несовместима, а потому предлагавший собрать в библиотеках все метафизические произведения и попросту сжечь их. Второй, «толерантно толерантный» подход будет состоять в признании необходимости символизации для толерантности так же, как и для прочих универсальных ценностей. В этом случае плюрализму культур в идеале будет соответствовать множественность парадигм толерантности.

Если дело обстоит именно так, то любой успешный проект изучения толерантности должен начинаться с рассмотрения истории этого понятия, постепенно переходить к концептуальным определениям и, наконец, завершаться его укоренением в культуре. Историю толерантности можно, в свою очередь, рассматривать двояким образом. Это, с одной стороны, история понятия, концепции, а с другой — история практики. Кроме того, историческое рассмотрение будет весьма существенно и на третьей ступени, этапе «культурной символизации». В самом

деле, как еще можно «символизировать» универсальное, если не посредством помещения его в историко-культурный контекст. Поэтому проведение исследований, связанных с историей толерантности, представляет собой одну из центральных задач Уральского МИОН.

Анализ теорий прошлого важен не только с точки зрения их особенностей и отличия друг от друга, но и в перспективе развития идеи толерантности как таковой. С одной стороны, те или иные конкретные теории толерантности были вызваны к жизни вполне конкретными историческими обстоятельствами. *De pace fidei* Николая Кузанского, например, было ответом мыслителя на резню в Константинополе, в теории человеческой природы Лас Кассаса отражается его спор с Сепульведой по поводу американских индейцев, «Послание о веротерпимости» Дж. Локка ставит проблемы религиозной толерантности, столь актуальные в его время, а «О свободе» Дж. Стюарта Милля раскрывает его озабоченность тем, что он считал «тиранией общественного мнения» в викторианской Британии. С другой стороны, через анализ вполне конкретных проблем каждый из этих мыслителей так или иначе ставил общие проблемы теории толерантности; в каждом из этих учений можно обнаружить те или иные философские основания, общие с другими, в том числе и современными, теориями. Так, например, если Локк основывает свое «Послание о веротерпимости» на доказательстве нерациональности преследования, а свою защиту французских беженцев-гугенотов — на экономической целесообразности толерантности, то Милль признает ценность различия как такового, считая, что общество будет тем более развито, чем больше различных образов жизни находят в нем себе пристанище. Поэтому можно согласиться с Сьюзан Мендус, одним из ведущих современных специалистов в этой области, что «те исторически особенные события, которые вызвали к жизни “Послание о веротерпимости” Локка или “О свободе” Дж. Стюарта Милля, принадлежат истории, но общие вопросы о том, каковы основания и границы толерантности, являются актуальными сегодня столь же, сколь и всегда»⁴. Уральский МИОН в этой связи планирует выпустить ряд сборников статей в серии «Точки зрения», каждый из которых будет посвящен той или иной конкретной работе в области истории толе-

⁴ Mendus S. Introduction // Justifying toleration: Conceptual and historical perspectives / Ed. by S. Mendus. Cambridge, 1988. P. 1.

рантности. Понятно также, что в связи с задачей «культурной символизации» толерантности большое значение будет уделяться истории российских учений. Выпуски «Вестника УрМИОН» серии «Толерантность» (далее — «Т»), конечно, также не будут исключением, и редакция приветствует любые разработки в этой области.

Другой, не менее важной задачей, вытекающей с предыдущей, является прояснение концептуальных проблем, связанных с общим определением толерантности. Здесь также имеется масса весьма сложных вопросов. Прежде всего, концепция толерантности должна основываться на некоторой традиции, тем более, что таковая имеется, и особенно в англо-американской политической философии. Однако проблема состоит в том, что данная традиция не дает какого-то целостного воззрения на проблематику толерантности. В самом деле, уже в первом приближении можно выделить три основных парадигмы рассмотрения толерантности. Первая, традиционно-либеральная парадигма, связана с такими именами, как Сьюзан Мендус, Джон Хортон, Мэтт Матраверс, Питер Николсон и др. Большинство этих авторов работают в Университете г. Йорк (Великобритания), в самом крупном на сегодняшний день центре исследований толерантности в мире. Эти авторы помещают теорию толерантности прежде всего в контекст современной политической философии либерализма, основываясь на работах таких философов, как Джон Ролс, Уилл Кимлика, Роберт Нозик и др. В принципе, в рамках либеральной парадигмы работает и Майкл Уолцер, хотя его подход к проблеме толерантности весьма своеобразен⁵. Эта традиция, классикой которой является монография Сьюзан Мендус, исторически рассматривает теорию толерантности как впервые разработанную Джоном Локком, уточненную Дж. Стюартом Миллем и нашедшую свое современное воплощение в «Теории справедливости» и «Политическом либерализме» Дж. Ролса, а концептуально — как вполне самостоятельный моральный идеал. Конечно, и здесь есть свои вариации. Так, к примеру, Морис Крэнстон вовсе не согласен с П. Николсоном в том, что толерантность есть некоторая добродетель, «характерная для лучших людей и лучших обществ»⁶.

⁵ См.: Уолцер М. О терпимости.

⁶ Nicholson P. Toleration as a Moral Ideal // Aspects of Toleration / Ed. by J. Horton and S. Mendus. L., 1985. P. 166.

Он скорее «склонен думать, что толерантность есть что-то второсортное (second-best), но как раз о второсортном следует заботиться в несовершенном мире»⁷. И все же основное характерное свойство этой традиции разделяют все работающие в ее рамках исследователи. Этим свойством является попытка *рационального обоснования толерантности в рамках моральной и политической философии либерализма*. Такое рациональное обоснование, даже в исторических исследованиях, ведет к некоторой фундаментальной неисторичности этого подхода. Здесь важны аргументы, а не культурное или историческое их окружение. Сказанным определяются как сильные, так и слабые стороны такого подхода. Сила этих аргументов состоит в четком логическом рациональном определении толерантности, установлении ее границ и прояснении ее оснований. Слабость же определяется какой-то совершенной нечувствительностью этой традиции к вопросам истории и культуры. Поэтому, хотя именно здесь мы находим самые ясные определения, данным авторам не удается даже поставить вопрос о необходимости культурного укоренения толерантности, а потому их произведения неизбежно остаются ограничены рамками англо-американской рационалистической культуры.

Узость эта ведет к какому-то странному и даже жутковатому в современном мире европоцентризму, почти просвещенческого толка. Понятно в таком случае, почему эта традиция подвергается достаточно суровой критике с самых различных сторон. Вероятно, самым радикальным здесь является так называемый *аргумент modus vivendi* — утверждение о том, что ценность толерантности давно и прочно устарела и более не соответствует плюрализму современного мира, проявляющемуся, кроме всего прочего, в плюрализме ценностей (value-pluralism). Плюрализм этот, по мнению представителей данной традиции, не является некоторым имеющим общую основу множеством. Напротив, различные ценности в современной мультикультурной цивилизации принципиально несовместимы друг с другом, а значит, находятся в состоянии перманентного конфликта. И никакая толерантность не способна разрешить эти конфликты, просто поскольку враждующие стороны вообще ничто примирить не может. Поэтому речь должна идти не о толерантности, но о некотором временном равновесии интересов, которое, ко-

⁷ Cranston M. John Locke and the Case for Toleration. L., 1991. P. 79.

нечно, достигается вовсе не с помощью моральной философии, но усилиями политиков различного ранга. Итак, как полагает один из видных представителей этой точки зрения, Джон Грей, «либеральная толерантность начинается как проект мирного сосуществования в христианских общинах, чьи соперничающие претензии на истину и политическую власть закончились войною. Происхождение толерантности из религиозных конфликтов Европы Нового времени делают ее плохим руководством к *modus vivendi* современных обществ, обладающих высокой степенью гетерогенности»⁸. Конечно, нельзя сказать, чтобы это воззрение было бы совершенно безосновательным. Один из влиятельнейших современных философов морали, Аласдер Макинтайр, представитель так называемого «коммунитаризма», также критикующего классическую либеральную модель, полагает, что современное состояние морали в целом следовало бы описывать как беспорядочное. Споры по поводу ценностей «идут постоянно ... и ... не могут завершиться. Похоже, что в нашей культуре не существует рациональной гарантии морального согласия»⁹. Макинтайр рассматривает, например, три различных аргумента по поводу права на аборт и показывает их абсолютную концептуальную несоизмеримость. Один исходит из понятия справедливости, другой взывает к правам, третий — к свободе. Нет никакой возможности выбрать среди этих аргументов наиболее сильный, потому что в рамках современной культуры невозможно установить какой-либо общеобязательной иерархии ценностей. Что «важнее» — права, свобода или справедливость? Но именно от ответа на этот вопрос зависит то, какого мнения будет придерживаться конкретный индивид.

В таком случае ценности несоизмеримы, а конфликты перманентны. Сам Макинтайр, правда, в конце концов обращается к томизму, видя в нем выход из данной ситуации, но для современной культуры такой проект будет, по-видимому, не менее утопичен, нежели проект либеральный. Перевод же проблемы в плоскость политических решений кажется просто признанием поражения, уходом от ответа на самые серьезные практические вопросы. Временные «равновесия интересов» не могут быть сколько-нибудь прочными, а потому опасны ничуть не

⁸ Gray J. Pluralism and Toleration in Contemporary Political Philosophy // Political Studies. Oxford, 2000. Vol. 48. P. 323.

⁹ Макинтайр А. После добродетели. М., 2000. С. 11.

менее благодушного европоцентризма. В конце концов аргумент *modus vivendi* сводится к тому, о чем мы уже говорили — к утверждению утопичности толерантности как морального идеала. И все, что мы сказали в пользу утопии, применимо и против Грея.

Еще одно наблюдение состоит в том, что Грей, в общем-то, исходит из той же самой концепции толерантности, что и С. Мендус. Это и понятно. Грей довольно долгое время был вполне ортодоксальным либералом и даже редактировал книгу, посвященную Миллю. Его интерес к мультикультурализму подрывает его либерализм, не меняя оснований; он лишь ставит теперь минус там, где прежде поставил бы плюс. Понятно, что такой подход не может быть удачным, и Грею не остается ничего другого, как признаться в бессилии философии, отдав решение проблемы в руки политиков. Тогда возникает вопрос: не следует ли попытаться переосмыслить самые основы «общей» теории толерантности, начав, конечно, с истории. В самом деле, если беда состоит лишь в том, что толерантность — это что-то такое, что возникло в религиозных войнах, терзавших новоевропейский мир, может быть, стоит поискать похожие теории и практики до Нового времени или вне Европы?

Такой проект был уже предпринят. Авторами его являются двое американских ученых — Кэри Нидерман из Техасского университета «А и М» и Крис Лорсен из Калифорнийского университета Риверсайда. За последние годы эти авторы выпустили в свет несколько фундаментальных работ¹⁰, в которых рассмотрели толерантность и близкие ей теории и практики в самых различных культурах — средневековой Европе, Китае, Древней Персии и пр. О полной удаче этого проекта говорить, конечно, преждевременно, но, по крайней мере, возможность исполнения такого проекта стала теперь вполне очевидна. Как ясно из предыдущего изложения, если искать место проекту Уральского МИОН в современных дискуссиях о толерантности, оно скорее всего именно здесь — в признании

¹⁰ См.: Laursen J. Ch., Nederman C. J. eds. *Difference and Dissent: Theories of Toleration in Medieval and Early Modern Europe*. Lanham, Md., 1996; *Iidem*. *Beyond the Persecuting Society // Religious Toleration Before the Enlightenment*. Philadelphia, 1997; Laursen J. Ch. *Religious Toleration. «The Variety of Rites» from Cyrus to Defoe*. N. Y., 1999; Nederman C. J. *Worlds of Difference. European Discourses of Toleration*. The Pennsylvania State University Press, 2000. P. 1100 — 1550.

либеральной ценности толерантности принципиально значимой для современного мира и вместе с тем в понимании необходимости ее переосмысления или, скорее, *вос*-полнения ради адаптации к современным реалиям, и прежде всего к мультикультурности и глобализационным процессам.

В таком случае понятно, почему, особенно на первых стадиях проекта, такое пристальное внимание в УрМИОН уделяется философской теории толерантности. Уже состоялось несколько конференций, выпущены монографии, а в августе 2002 г. состоится Международный конгресс, основными докладчиками на котором будут в том числе и зарубежные ученые, чьи взгляды были кратко представлены выше: Мэтт Матраверс (директор программы Морель в Йоркском университете, Великобритания) и Кэрри Нидерман (Техасский университет «А и М»). Понятно также и внимание к истории: уже вышла в свет коллективная монография о Локке, собираются статьи для сборников о Соловьеве и Толстом, а в перспективных планах — коллективные монографии, посвященные теориям толерантности Николая Кузанского и Лас Кассаса.

Однако проект вовсе не сводится лишь к философскому теоретизированию. Среди тем УрМИОН — международные отношения, гендерная проблематика, средства массовой информации, лингвокультурология, социология... Каждое из этих направлений имеет собственные проблемы, решения которых вносят свой вклад в общий проект исследования. В самом деле, разве возможна описанная выше «символизация» толерантности без исследования толерантного/интолерантного языка (лингвокультурология) или внимания к внутренним особенностям российской культуры? Разве можно говорить о современной цивилизации, не обращая внимания на конкретные проблемы, связанные с диалогом в сфере международных отношений, или на отражение современных дискуссий в средствах массовой информации? «Т» планирует рассматривать все эти вопросы: уже в этом, первом номере, публикуются кое-какие исследования в рамках упомянутых выше направлений.

Деятельность УрМИОН, однако, не сводится только к написанию монографий и проведению конференций. Большую работу планируется вести со стажерами, приезжающими в Екатеринбург для проведения научных исследований. Формируется фундаментальная библиотека по проблемам толерантности — первый опыт подобного рода в России. Рассматривается

возможность организации стажировок за рубежом в главных научных центрах исследований толерантности. Весь объем работы и масштаб проектов очень трудно описать вот так, с ходу. Достаточно сказать главное: УрМИОН открыт для любых конструктивных предложений и инновационных проектов и готов к сотрудничеству в области изучения проблем толерантности как с отдельными учеными, так и с исследовательскими коллективами. И наконец, мы надеемся, что «Т» со временем станет своеобразным форумом, местом обмена мнениями между учеными самых разных специальностей и интересов.

М. Б. Хомяков